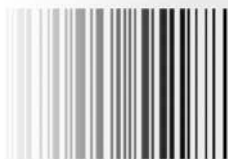


Детектив&Путешествие



ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ

**ВЕЧНАЯ
МОЛОДОСТЬ
С АУКЦИОНА**



ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 20

Оформление серии *А. Старикова*

Гармаш-Роффе Т. В.

Г 20 Вечная молодость с аукциона : роман / Татьяна Гармаш-Роффе. — М. : Эксмо, 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-699-69451-8

Собираясь провести отпуск в Париже в обществе Александры, Ксюши и Реми, частный детектив Алексей Кисанов берется одновременно за несложное дело по розыску пропавшего человека. Как выяснилось, Михаил Левиков уехал во Францию к женщине, с которой познакомился по Интернету. Однако он снова исчез — на этот раз из Парижа! Более того, загадочным образом пропадает и Ксюша, отыграв свою роль в эротическом спектакле в замке маркиза де Сада. Последний раз ее видели с неким адвокатом, который утверждает, что доставил Ксюшу на вокзал. Тем не менее билет на поезд она не покупала... Следы обеих «пропаж» странным образом затерялись в таинственных горах Прованса. Каждый шаг задает новую головоломку Алексею и Реми, любая версия ведет в тупик, в то время как следствие обрамляет череда жестоких убийств...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Гармаш-Роффе Т. В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-69451-8

Достоверным фактом является приобретение господином Пьером Карденом развалин замка маркиза де Сада в деревне Ла Кост, а также устроенные им там прием и эротический теневой спектакль.

Достоверным фактом является существование замка Ла Барбен, исторические сведения о нем, описание замковой кухни и музейной части подземелий. Замок действительно разделен на две части: музейную и частную, в которой проживает его владелец.

Все события и персонажи, сосредоточенные вокруг этих фактов (включая сцену из спектакля), являются вымыслом автора.

...Больше не было ни неба, ни земли. Все кануло в крошечную тьму без пределов, без начала и конца. Ксюша зависла где-то посередине *ничего*, в черном холоде, стремительно размывавшем границы ее тела, границы ее «я», — так кислота растворяет в себе чужеродный объект, разлагая его на молекулы...

Только мужской голос, звучавший в темноте, свидетельствовал, что ее «я» еще не прекратило существовать, что она еще способна слышать и понимать...

— Вы кто? — недружелюбно спрашивал мужской голос. — И как вы сюда попали?

Как она сюда попала? Ох, это такая длинная история!..

Все началось в замке маркиза де Сада...

Она ошибалась. Все началось гораздо раньше.

МОСКВА

«...Вы правы, Лариса, я никогда не боролся — ни за свои идеи, ни за свое положение. Говорят, такие люди, как я, вырастают в семьях, где слишком властные матери. Верно, моя мать такой и была, а потом ее место заняла жена... Мне всегда казалось, что это в норме вещей — оттого, видимо, и не приходило в голову протестовать. Да и характер у меня не тот, слишком покладистый — «мягкий», как Вы выразились. Я все в жизни принимаю как должное — даже неприятности. В результате я ничего путного не добился и сам виноват, свалить не на кого...»

«Ага, — сказал себе Алексей Кисанов, — в сугубо «деловой переписке» наметился задушевный поворот!» Он погасил сигарету, придвинул к себе чашку кофе и снова уставился в компьютер.

Пару дней назад к нему, частному сыщику, обратилась особа лет пятидесяти пяти с просьбой установить местонахождение ее супруга. По словам особы, он убыл в страну Францию на десять дней, с тем чтобы предложить свое изобретение французским фармацевтам. Но через десять дней не вернулся. Ни звонков от него, ни телеграмм — ничего. И где его искать — неизвестно.

Кисанов пропустил несколько дат в окошке электронной почты и открыл наугад одно из более поздних писем.

«Смешно говорить о чувствах к человеку, которого никогда не видел — у меня даже Вашей фотографии нет! Но признаюсь, что мысли о Вас стали заполнять мои дни... И, знаете, мне давно не было так хорошо, как теперь, когда у меня есть Ваши письма. Спасибо Вам, Лариса...»

— Ого, — сказал себе Алексей Кисанов, давно и необидчиво отзывающийся на фамильярное прозвище Кис, и поскреб подбородок.

Он поначалу братья за дело не хотел: через каких-то три дня у него начинался долгожданный отпуск, который он собирался провести во Франции (в компании Александры, Ксюши и Реми)¹. Но отчего-то ему показалось, что дело несложное, да и слово «Франция», в которую убыл пропавший муж, было созвучно его настроению, — и Кис согласился.

По словам клиентки, Михаил Давыдович Левинов, супруг ее, договорился с какой-то фирмой в Париже о встрече, на которую и отправился. Переписки с этой компанией почтой в наличии не имелось, счетов за международные телефонные переговоры тоже — стало быть, здраво рассудил детектив, общение шло через Интернет. Клиентка сама до столь сложной мысли не додумалась бы, да и с компьютером управляться не умела. Посему с разрешения Клавдии Семеновны (так звалась клиентка) он забрал жесткий диск к себе с целью изучить его содержимое. И нате вам, неожиданность: пропавший супруг призраивал во Франции не только свое изобретение, но и душу...

Еще письмо, ближе к отъезду.

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче», издательство «Эксмо».

«Я боюсь предстоящей встречи, боюсь тебе не понравиться, разочаровать (ну-ну, уже на «ты»!) — у меня так много недостатков, что... Я не перестану удивляться, что ты нашла во мне какие-то привлекательные качества, которые до сих пор никто не разглядел, включая меня. Но пусть будет как будет — я еду. И если бог мне послал тебя, Лара, то, может, он решит продолжить список своих добрых деяний и сделает так, что ты не разочаруешься, когда увидишь меня «живьем»...»

Понятно, понятненько...

Михаил Левиков объяснил своей супруге, что фирма обеспечивает его каким-то жильем на время пребывания в Париже. Добравшись до места, он, как исправный муж, домой позвонил — по его словам, из автомата на улице, так как проживает в маленькой квартирке, предоставленной фирмой, в которой телефона не имеется. А адрес «квартирки» Клавдия Семеновна спросить не додумалась. Больше Михаил не звонил и в положенный срок не вернулся.

Ну что ж, теперь заглянем в ее письма, Ларисы этой, — для полноты картины.

«Ваше изобретение, Михаил, просто гениально. Я говорю Вам это как химик, хотя уже много лет не работаю по специальности, но все же остаточные, еще не выветрившиеся из головы знания позволяют мне об этом заявлять с полной ответственностью. Я плохо понимаю, как Вы, имея такие великолепные мозги, такой талант, могли согласиться на серое существование коммерсанта? Ваше место — в лаборатории, причем в крупнейшей! Ведь такого специалиста, как Вы, любая фирма с руками оторвет! Ваше изобретение может принести бешеные доходы!

...А знаете что? Надо попробовать продать его

крупным косметическим фирмам! Нет, серьезно — это мысль! Если Вы мне позволите, я изучу вопрос... Пока не знаю, как к ним подобраться, — я не в «системе». Когда муж был жив, я не работала, а последние семь лет перебиваюсь случайными заработками — ну, Вы видели мое объявление в Интернете про экскурсии и уроки, с которого, собственно, и завязалась наша переписка...»

Изобретение то самое, надо думать. Разговор о нем всплыл где-то в районе первого десятка писем, которых за три месяца набралось около полусотни. До этого они явно общались в Интернете, на каком-то форуме или чате. Но самое-то главное не начало переписки, а ее развитие и конец. Посему глянем дальше:

«...Подобное отношение к себе — преступно. Если Вы считаете нормой уважение к другим, то почему Вы исключили из этой нормы себя? Вы заслуживаете к себе уважения, Михаил, и любви наверняка тоже... Вы человек умный, добрый, деликатный — это такое редкое сочетание! Ваша жена должна была бы Вами дорожить — не понимаю, как могло случиться, что она, как Вы пишете, Вас презирает? За что, бог мой?! Может, Вы просто чего-то недопоняли, не разглядели в ней?»

Ха, ты не видела его супругу, милая Лариса! Это очень трогательно, что ты предлагаешь мужчине, которым явно заинтересовалась, присмотреться повнимательнее к своей «родной» жене — но твое благородство излишне: «не разглядеть» Клавдию Семеновну просто не представляется возможным...

Кис откинулся от компьютера и вытянул ноги на кресло для посетителей. «Это не женщина, дорогая Лариса, — это танк! Это бульдозер повышенной мощности с укрепленной броней! Тебе повезло, незнакомая Лариса, что ты не присутствовала здесь, когда она,

едва не снеся боками на ходу дверную коробку, ввалилась ко мне и долго устраивала свои телеса в этом кресле, где сейчас расположились мои ноги... Тебе посчастливилось не слышать ее вибрирующего, как отбойный молоток, негодующего голоса! Она не забеспокоилась, Лариса, что муж пропал, она не испугалась: не случилось ли с ним чего? Нет — она возмутилась! Что он *посмел* пропасть! В ее бронированные мозги не пришла мысль, что он мог ее бросить и уехать к другой женщине — это из разряда невозможного! Потому что предмету домашнего обихода по имени Михаил Давыдович Левиков, который ты, неведомая Лариса, проживающая в Париже, обозначила как «доброе, умного и деликатного», — этому предмету надлежало быть всегда на своем месте и исправно выполнять свои функции. И предмет виноват уже тем, что посмел не быть под рукой... Да, если бы ты видела *это*, Лариса, ты не удивлялась бы, что твой Миша оказался раздавлен морально и физически...»

Еще одно письмо, ближе к отъезду изобретателя.

«Меня пугают эти интернетные, стерильные отношения... Я тебя никогда не видела, если не считать фотографии, у меня есть только три месяца нашей переписки — что я толком знаю о тебе? Твои мысли, твои чувства — это много или мало? Тем не менее, как ни странно, на сегодняшний день у меня нет никого ближе тебя, Миша... Я с нетерпением жду того дня, когда мы встретимся, чтобы убедиться в том, что я не сошла с ума...»

Как только ты мне назовешь дату — я сразу же договарюсь с фирмой о рандеву для переговоров о твоём изобретении. Эти люди очень, очень заинтересованы (хотя стараются этого не показать), что еще раз доказывает гениальность твоего изобретения! Думаю, они

могут предложить тебе хорошие деньги, но мне кажется, что с ними надо торговаться: я уже прилично изучила правила игры и знаю, что «незаинтересованный вид» — это первый ход в торгах. Пока не стану рассказывать подробности — боюсь сглазить, но мне кажется, что ты стоишь на пороге огромных изменений в твоей жизни...

Напиши, как только будут билеты. Жду с нетерпением и волнуясь, как школьница...

Твоя Лариса».

— Ну что ж, понятно, — просмотрев еще несколько писем, Кис отставил опустевшую чашку и снова прикурил «Золотую Яву». Михаил Левиков одинок в семье, не оценен по достоинству, морально раздавлен. У него есть взрослая дочь, унаследовавшая от маменьки презрительное отношение к отцу, что способно только усугубить его экзистенциальную тоску. Он болтался где-то в Интернете — типичное времяпрепровождение для одиноких людей, — увидел объявление Ларисы. Судя по всему, она предлагала свои услуги: как репетитора для школьников и гида по Парижу для русских туристов... Алексей знал, что многие русские в Париже перебиваются такой случайной работой, Ксюша не раз живописала жизнь эмигрантов, когда навещала свою старшую сестру Александру, приходившуюся Алексею Кисанову любимой женщиной.

Михаил, видимо, что-то спросил у Ларисы — какую-нибудь ерунду, типа: «Что, тяжело с работой во Франции?» Она ответила — переписка завязалась. И к концу третьего месяца переписки они оказались друг другу самыми близкими людьми. Для Михаила, который давно перестал верить в себя, Лариса стала

нечаянным подарком судьбы, ангелом с благой вестью, фокусником в цирке на дневном, детском сеансе, который уже почти вытащил из шляпы за уши удачу... К одному из писем Михаила была «приколота» его фотография, а на ней запечатлелось все: и тотальный черный пессимизм «по жизни», и проблеск детского изумления в глазах в ожидании чуда, и страх в него поверить, и легкая, робкая дымка нежности к едва знакомой женщине, и даже дрогнувшая от нечаянно проснувшейся чувственности улыбка...

— Во бедолага, — проникся Кис. Как можно вляпаться в такую супругу — это он еще понимал, кто не вляпывался! Но как можно было не сбежать давно — этого понять не мог. Сбегают ведь даже из хорошо охраняемых тюрем!

«Никчемный, совершенно никчемный!» — колыхалась всеми подбородками и нижеследующими слоями тела Клавдия Семеновна, возмущенно округляя сластолюбивый, сочный рот. В молодости она была вполне милашкой, хоть и простушкой — «горняшкой». (Это словечко изобрела Александра, от слова «горничная» — помимо статуса любимой женщины Киса, она была еще и журналисткой и любила поиграть словами.) Теперь же Клавдия, проработав лет тридцать в торговле, раздулась от важности и «дефицита» советских времен, непомерно поглощаемого в доказательство своей элитарности.

«Никчемный муж» был по образованию биохимиком, долгие годы работал в производственной лаборатории¹ при Институте генетики, которую накрыло перестроечной волной, выплюнувшей персонал на пустынный берег безденежья. Понукаемый лютой

¹ Лаборатория вымышленная.

супругой, Михаил устроился в одну из новорожденных фирм, занимающихся импортом лекарств из Болгарии. Зарплата его от этого перемещения существенно выиграла, но творческая душа изобретателя затосковала, заплутав в чаще цифр, в сушняке платежных ведомостей и накладных... Он с тоской наблюдал, как обосновывается в Москве Ив Роше — вот кто, думал Михаил, оценил бы его изобретение! Но в Москве открылся всего лишь магазин, сам Роше благополучно пребывал во Франции, а Михаил — он сидел в конторе по импорту лекарств и смирялся с судьбой...

Лариса вернула ему веру в свои творческие силы, в ценность его идей. Какое-то изобретение — надо думать, из эпохи лаборатории — она даже назвала «гениальным». Ясное дело, мужик ожил: почувствовал себя нужным женщине и одновременно — потенциальный спрос на свой труд и свой талант. И даже деньги, стараниями Ларисы, смутно замаячили на горизонте.

Она тоже одинока, это понятно. Вдова, материально явно не ахти, в чужой стране трудно с друзьями и общением... Ее фотография тоже имелась в переписке — Лариса прислала ее после робкого намека Левикова: маленькая и неброская блондинка лет сорока пяти, элегантно одетая, с застенчивой и приятной улыбкой. То, что принято называть «интеллигентная женщина». Михаил, с его мягким и добрым характером, с его непризнанным талантом, ее увлек. Женщины, особенно одинокие, любят опекать ближнего, особенно ближнего мужского пола... Наверняка она надеялась что-то построить с Михаилом — при условии, что встреча «живьем» не перевернет те нежные чувства, которые уже заблистали в переписке. И даже его грядущие заработки ею мыслились,

скорее всего, как хорошая финансовая база для их будущей семьи. Из писем Михаила понятно, что он готов бросить все без сожалений — до сих пор просто стимула не было, теперь же стимул появился: стараниями Ларисы очертился фундамент его новой жизни. В другой стране, с другой женщиной, с другой работой и, похоже, другими заработками. Дух небось захватывало у обоих от такой перспективы...

Кис опустил ноги на пол и нашарил тапки. Придется объяснить клиентке, что муж ее не просто «пропал» — а с концами. Иными словами, ушел к другой женщине! Да не куда-нибудь, а в Париж!

Признаться, Кис испытывал злорадное удовольствие при мысли о том, как он выложит результат своего короткого расследования этой ошибке природы, этому генному мутанту, этому броненосцу, нечаянно облаченному в женское тело, по имени Клавдия. Проняло детектива чувство мужской солидарности, ох, как проняло!

...Она была в ярости. Она хлопала начальственно по столу так, что Алексею пришлось ей напомнить, что она не в своем кабинете на торговой базе, а у него на приеме. Она требовала найти «ничтожество» и «засранца», посмевшего предать все ее лучшие чувства, все ее заботы, все непомерные усилия, чтобы пристроить «никчемного» на хлебное место. Она опасно нависала всей телесной мощью над столом, грозя раздавить экран компьютера, требуя довести до конца работу, за которую «уплочены» деньги!

— Я взялся выяснить, куда подевался ваш муж, — пробовал защититься Кис. — И я вам сказал куда. Моя миссия выполнена!

— Э нет! Найти — это значит привезти домой! Я не за слова вам деньги платила!

— Помилуйте, — попробовал улыбнуться Кис, — как это «привезти»? Не чемодан ведь! За ручку не возьмешь да не понесешь!

Она ошарашенно посмотрела на детектива. В лице явственно мелькнуло недоумение: почему же «не понести» — вполне сойдет за чемодан... Но, проделав сложную умственную работу, Клавдия Семеновна, должно быть, сообразила, что не каждый станет так обращаться с ее супругом, как она сама.

— Тогда адрес!!! — хлопнула она снова по столу. — Вот когда скажете точно, по какому адресу отбыл, тогда и работа будет выполнена! А пока вы наработали с гулькин нос: додумались компьютер его прочитывать! Так каждый может! Не за это я вам деньги уплатила!

Кис всей душой понимал бедного изобретателя.

Он вяло сопротивлялся, но броненосная мутантша была непреклонна. В результате Кис немного сдал позиции: на днях он как раз едет во Францию по личным делам (повидать Ксюшу, а также Реми, Кисова давнего друга и коллегу по сыскному ремеслу, который последние четыре года приходится Ксюше мужем...) и там заодно попробует разыскать пропажу.

— *Попробую*, но ничего не обещаю, — со всей остаточной твердостью заявил детектив. — Это частная поездка, мой отпуск! И, прошу заметить, денег с вас на накладные расходы не беру, мои услуги оплатить наперед не предлагаю. Если найду вашего супруга — тогда и выставлю вам счет.

У Клавдии Семеновны был выбор: предложить оплатить услуги и «накладные расходы» — то есть дорогостоящий билет туда-обратно в Париж и коман-